

Се Сун, пребывая в полудрёме, услышал голоса и приподнял веки, чтобы взглянуть. Увидел, что Лу Чэньби стоит у двери и с кем-то разговаривает.

Как же его ноги так быстро поправились? Вчера ведь он так мучился от боли? Подумав так, Се Сун перевернулся на другой бок — наверное, ему снова снится. И снова погрузился в сон, счтя мимолётный образ всего лишь сценой из грёз.

Когда же он наконец проснулся и перевернулся, то увидел Лу Чэньби, сидящего на ложе с книгой в руках. На нём был халат из жёлтого атласа, а волосы просто собраны деревянной шпилькой.

«Наконец-то проснулся?» — спросил Лу Чэньби.

Се Сун сел и потер голову. От долгого сна она немного ныла.

«Мне кажется, я опять видел сон».

Лу Чэньби, не отрываясь от книги, лениво поинтересовался: «И что же тебе приснилось?»

«Приснилось, будто ты стоишь в дверях комнаты и с кем-то говоришь», — ответил Се Сун.

Лу Чэньби замер, поднял на него взгляд, и в душе его всколыхнулись бурные волны. Он смотрел на лицо Се Суна, не зная, тот ли это проверяет его или искренне считает всё лишь сном.

подавив душевное смятение, Лу Чэньби сохранил прежний тон: «Должно быть, это и правда был сон».

Се Сун подумал и кивнул: «Наверное, это из-за вчерашнего испуга, вот такой сон и приснился. Как ты сегодня? Отчего вчера так внезапно разболелись ноги?»

«Наверное, погода слишком холодная, продуло», — сказал Лу Чэньби, похлопав по коленям, и продолжил: «Эти черви внутри не выносят ни холода, ни жары. Стоит их раздражить — и они начинают носиться у меня в коленях».

Се Сун выслушал и не знал, что сказать. Лу Чэньби, заметив его состояние, приподнял подбородок: «Хватит притворяться немым. Я знаю, ты вчера всё видел. Показалось мерзко?»

«Черви — да, мерзкие», — сказал Се Сун, пытаясь подняться с ложа, но не найдя своих туфель.

«Велел отдать в стирку, вместе с носками», — Лу Чэньби улыбнулся ему. — «Сегодня ты как следует побудь на ложе. Всё равно ты никуда не пойдёшь».

Се Сун вспомнил, что ещё не разобрался с пятью лекарственными травами, и мысленно уже собрался возражать, но тут же представил себе вчерашние страдания Лу Чэньби. Внутренние весы качнулись туда-сюда и, наконец, склонились. Он, скрестив ноги, покорно уселся на ложе: «Хотя бы дайте мне, господин, верхний халат, чтобы прикрыться».

«В комнате и так не холодно, зачем тебе верхний халат?» — Лу Чэньби даже не взглянул на него.

Се Суну было неловко находиться перед ним в одном нижнем белье, но Лу Чэньби совершенно не считался с его смущением, лишь сказав: «Если зябко — накройся одеялом. Сегодня свободный день, можешь проспать целые сутки».

«Я и так уже выпался», — почесал в затылке Се Сун.

«Кстати», — Лу Чэньби отложил книгу и неспешно произнёс: «Тот, кто в тот день был в соседней комнате, — сын левого канцлера. Тот самый, с которым ты столкнулся на дороге несколько дней назад».

Се Сун не понял, к чему Лу Чэньби вдруг заговорил о нём, лишь кивнул, а тот продолжил: «Его сегодня забрали в тюрьму. Говорят, связан с делом об исчезновении детей».

«Все те пропавшие дети уже найдены?» — спросил Се Сун.

Лу Чэньби покачал головой и пересказал, о чём доложил скрытый страж. Се Сун, выслушав, в гневе выругался: «Скотина!» Лу Чэньби усмехнулся и велел ему успокоиться.

«Тот господин сейчас в тюрьме кричит о своей невинности. Не факт, что это сделал он, не стоит так горячиться», — сказал Лу Чэньби.

Се Сун нахмурился и холодно произнёс: «Я не о нём. Я о настоящем преступнике. Думается, даже если эти молодые повес и наглецы, на такое они не способны».

«Верно», — кивнул Лу Чэньби. — «Завтра я договорился выпить с правым канцлером, ты пойдёшь со мной».

«Завтра?» — Се Сун выразил несогласие. Ведь у Лу Чэньби только вчера болели колени, следовало бы как следует отдохнуть, а не мотаться по делам.

Но Се Сун также знал: раз Лу Чэньби что-то решил, оспаривать это, как правило, было некому. К тому же госпожа Лу тоже в курсе и не возражает, так что ему и вовсе не к лицу что-либо говорить.

Побыв с Лу Чэньби в комнате ещё некоторое время, Се Сун всё же получил разрешение вернуться в свой двор. Вернувшись, он не воспользовался случаем, чтобы улизнуть, а достал тот трактат о мече, что бросил ему странный человек в белом, внимательно перелистал его несколько раз, затем взял меч и стал разучивать приёмы во дворе.

Описанные в трактате мечевые приёмы действительно были похожи на стиль Небесной Глубины школы Небесного Меча, но имели отличия. К нему добавили ещё две доли убийственной решимости. Пройдя весь комплекс, Се Сун уже покрылся потом, но останавливаться не хотел.

Искусность и глубина приёмов действительно вызывали восхищение. Более того, Се Сун не мог отрицать связь этого Бесформенного стиля меча со школой Небесного Меча — многие приёмы присутствовали и в стиле Небесной Глубины. Но в душе ему было любопытно: почему такой трактат оказался в руках человека в белом, и зачем тот говорил ему, что наследие школы Небесного Меча не должно прерваться.

Се Сун, держа меч, стоял во дворе, разглядывая этот трактат, и вспомнил, что госпожа Лу тоже давала ему один. Он вернулся в комнату, разыскал и его, разложил оба на столе и, нахмурившись, принялся внимательно сравнивать, мысленно снова и снова воспроизводя приёмы стиля Небесной Глубины.

Те места, где трактат госпожи Лу расходился со стилем Небесной Глубины, были сходны с этим безымянным трактатом, но имелись и отличия. Госпожа Лу могла знать стиль Небесной

Глубины лишь благодаря тому самому дедушке-старшему брату учителя, что в порыве гнева бросился заступаться за красавицу. Но почему же тот дедушка-старший брат учителя знал приёмы из этого безымянного трактата, а сам Се Сун никогда не слышал о них от своего наставника?

Но этот безымянный трактат оказался в руках человека в белом. Кто же он такой по отношению к школе Небесного Меча? Се Сун долго сидел за столом в раздумьях, но в душе так и не нашёл разгадки.

Если, как говорил Лу Чэньби, тот человек тоже из школы Небесного Меча, то почему у Се Суна не осталось о нём ни малейшего впечатления? И почему он не признался в своих? Вместо этого он отобрал Длинный Вой.

Длинный Вой был всего лишь мечом, носимом главой школы, в нём не было ничего особенного. Или же на нём всё-таки было что-то? Се Сун начал досадовать на себя за то, что, держа Длинный Вой так долго, так и не удосужился как следует его рассмотреть.

Се Сун снова и снова тренировал приёмы из трёх разных мечевых стилей, ночью же поспал лишь несколько часов и снова поднялся упражняться. Если бы не необходимость вечером сопровождать Лу Чэньби на пирушку, он, пожалуй, продолжил бы.

Он помылся, привёл себя в порядок, убедился, что одет подобающе, и лишь тогда, взяв меч, вышел из комнаты. На этот раз ресторан «Собрание великолепия» находился в довольно глухом месте, поэтому они отправились туда в карете.

Прибыв на место и обнаружив, что Хоу И ещё не приехал, Лу Чэньби сначала велел хозяину не спешить с подачей блюд, а лишь подогреть вино. Се Сун присел на корточки перед Лу Чэньби, поправляя тонкое одеяло, укрывавшее его ноги.

«Вино вредит здоровью, сегодня лучше пить поменьше», — Се Сун, всё обдумав, всё же произнёс эти слова увещевания.

Кто бы мог подумать, Лу Чэньби усмехнулся, потянул за прядь волос у виска Се Суна и, что было редкостью, смягчил голос: «Знаю. Ты подожди снаружи. Я уже заказал для тебя столик, можешь поесть, пока ждёшь. Если замёрзнешь — позови хозяина, пусть подаст кувшин горячего вина».

Как раз в этот момент дверь отворилась, и вошёл Хоу И в сопровождении слуги. На нём сегодня был тёмно-фиолетовый длинный халат, а поверх накинут плащ из атласа с рисунком тушью. Лицо его выглядело усталым. Войдя, он сразу произнёс: «Ай-яй, сегодня я опоздал, заслуживаю наказания, заслуживаю».

«Меж нами столько церемоний не нужно», — Лу Чэньби велел людям снаружи подавать блюда, а Се Суну приказал ждать за дверью.

Хоу И, усевшись, сначала отхлебнул вина, затем вздохнул: «Подходит праздник, а случается столько событий. Это лишь сеет в народе тревогу».

«А чего тревожиться?» — Лу Чэньби усмехнулся, налил себе вина, чокнулся с ним и сказал: «Мы с тобой чисты и честны, нам тревожиться не о чем».

Хоу И взглянул на Лу Чэньби, увидел, что тот улыбается, и снова тяжело вздохнул, тихо произнеся: «Господин Лу, не подшучивайте надо мной».

«Выпущенная стрела не возвращается, я лишь напоминаю, господин канцлер, раз вы так скорбите. Когда-то вы говорили, что никогда не пожалеете, не забудьте же», — сказал Лу Чэньби.

Хоу И на мгновение замолчал, затем поднял голову, осушил бокал вина одним глотком и усмехнулся: «Никогда, конечно, не пожалею. О том деле я не пожалею даже в вечных жизнях».

Они ещё немного поели, и лишь тогда Хоу И заговорил: «За одну ночь пропало столько детей. Сегодня утром на аудиенции государь пришёл в ярость и отчитал целую толпу. Фу Лисин ещё поддакивал государю, говоря, что такие люди бесчеловечны, и если поймают, непременно накажут со всей строгостью».

Лу Чэньби, слушая, приподнял бровь, накладывая себе еду, и сказал: «Вот уж не думал, что его собственный сын тут же попадёт в такую историю».

<http://bllate.org/book/15939/1424979>